

УДК 811.161.1.1.

**СИТУАТЕМА КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ, ПОЛИСИТУАТИВНАЯ
И ПОЛИСОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ**

Н. Б. Лебедева

**SITUATEME AS A DYNAMIC, POLYSITUATIONAL
AND POLYEVENTIVE VERBAL SEMANTICS STRUCTURE**

N. B. Lebedeva

В статье семантическая структура глагола, именуемая ситуатемой, представлена как полипропозициональная структура со сложной архитектурой, включающей лексикализованную и смежные с ней ситуации, которая может быть рассмотрена в различных масштабах – на уровне микроситуаций, лексикализованной ситуации и макроситуации. Идея динамизма ситуатемы вытекает из понимания глагольной семантики как пути из пункта А в пункт Б, в результате которого происходят определенные сдвиги в семантической структуре, описанные в статье как события.

The paper presents the semantic structure of the verb, named ‘situateme’, as a polypropositional structure with complex architectonics, including both lexicalized situation and those adjacent and related to it. Various scales can be used to consider this structure: those of microsituation, lexicalized situation and macrosituation. Understanding verbal semantics as an A→B way resulting in certain shifts in semantic structure described as events leads to the idea of situateme’s dynamism.

Ключевые слова: глагольная семантика, полипропозициональность, динамизм, ситуатема.

Keywords: verbal semantics, polypropositionality, dynamism, situateme.

Как известно, в европейском языкознании со времен Й. Гердера и В. фон Гумбольдта нарастает тенденция замены статического взгляда на язык, на динамическую модель в русле общего переключения внимания «философов», логиков, а затем и лингвистов ... с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты" [1, с. 101]. Динамический аспект миропредставления предполагает событийную концептуализацию действительности, т. е. сегментирование потока происходящего на события, а не на предметы, с акцентом не столько на пространственные параметры, сколько на временные, на идею связей и отношений, а не на атомизм. Приходит понимание того, что "в реальности мир – не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, и словарь не их инвентарная опись" [2, с. 141]. В первую очередь, этот мировоззренческий и методологический сдвиг проявился в усиленном интересе ко всему, что имеет отношение к действию. Один из крупнейших философов современности Г. фон Вригт пишет, что необходимость перейти к изучению "концептуальной структуры динамического мира, мира, находящегося в постоянном

изменении", привела к интересу "к человеческому действию". И он задает вопрос: "Но что такое действие? В простейшем случае – это переход (или превращение) из одного состояния в другое. Первый член отношения можно назвать "первоначальным состоянием", а второй – "конечным состоянием". Слова "первоначальный", "конечный" и "переход" предполагают темпоральный порядок" [3, с. 516]. "Темпоральный порядок" проявляется в интерпретации мира как переход одних событий и ситуаций в другие, как связь одних событий и ситуаций с другими.

Глагол – часть речи, наиболее приспособленная для номинирования динамических фрагментов мира, может быть рассмотрен именно в аспекте передачи смены одних состояний на другие, неся информацию и о первых, и о вторых. Таким образом, план содержания, соотносимый с глагольной формой, представляет собой полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс. Поэтому наш подход можно назвать ситуативно-событийно-пропозициональным. Ситуативный – т. к. он отражает наше видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций. Событийный – т. к. в ситуации может быть несколько событий разного

масштаба. Так, например, в одной ситуации "*Иванов выиграл матч у Петрова*" два события: 1 – *Иванов выиграл у Петрова*, 2 – *Петров проиграл Иванову*. Происходит так называемое «умножение событий». Вводя этот понятие, Н. Д. Арутюнова пишет: "То, что события локализируются относительно той или другой сферы жизни, отражается и на членении происходящего на отдельные события и на идентификации этих последних <...> "Умножение событий" происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего. Осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий" [1, с. 174]. Итак, Н. Д. Арутюнова выделяет следующие факторы "умножения событий" внутри одной ситуации:

а) распределение по разным сферам жизни (к примеру, человек спит, т. е. представлен в физиологической сфере, но в это же время он "распределен" в социальной сфере: ждет поезда);

б) выполнение разных функций в одной сфере (в социальной сфере может быть много функций: человек спит, но в это же время в социальной сфере он выполняет несколько функций – ждет поезда, едет в командировку, работает в университете, замещает заведующего кафедрой, участвует в шуточном соревновании по продолжительности сна);

в) участие в разных аспектах происходящего (человек спит, но в это же время он отдыхает, ворочается, храпит, давит массой своего тела окружающие предметы и пр.). Поэтому-то человек может *спать* и *проспать* поезд, занятия в университете, свою жизнь (например Обломов), участвовать в соревновании «кто кого *переспит*», *наспать* силы, *выспаться*, *отоспаться*, *заспать* ребенка.

И наконец, события и ситуации имеют пропозициональную структуру. Пропозиции бывают событийные и логические. Модусные и модальные смыслы также могут быть расписаны как пропозициональные структуры. Например, логическая пропозиция причинности связывает два события одной ситуации в высказывании: *Иванов выиграл, так как Петров ему проиграл*. Логические отношения причинности можно представить как пропозициональную структуру: P_1 так как P_2 . Обычно пропозиций больше, чем событий, а событий больше, чем ситуаций. Итак, денотативная семантика русского глагола является полиситуативной и полисобытийной, а основной способ ее описания – пропозициональное структурирование. Центральным носителем полипропозициональной структуры выступает ситуатема.

Ситуатема – единица плана содержания, объединяющая ряд ситуаций, соотносимых с одной глагольной формой. Ее содержательная структура включает конвенциональные и имплицативные компоненты, представленные в пропозициональной форме. Эта денотативная структура глагольной семантики репрезентирует принципиально нелимитируемое, подвижное образование, включающее ядерную, ассертивную ситуацию, а также – на ментальном уровне – имплицативно связанные с ней смежные конситуации (ближнюю, дальнюю и сверхдальнюю периферию).

Ситуатема позволяет рассматривать отраженный в сознании динамический фрагмент действительности в трех масштабах (планах): в масштабе лексикализован-

ной ситуации, в масштабе микроситуаций и в масштабе макроситуации.

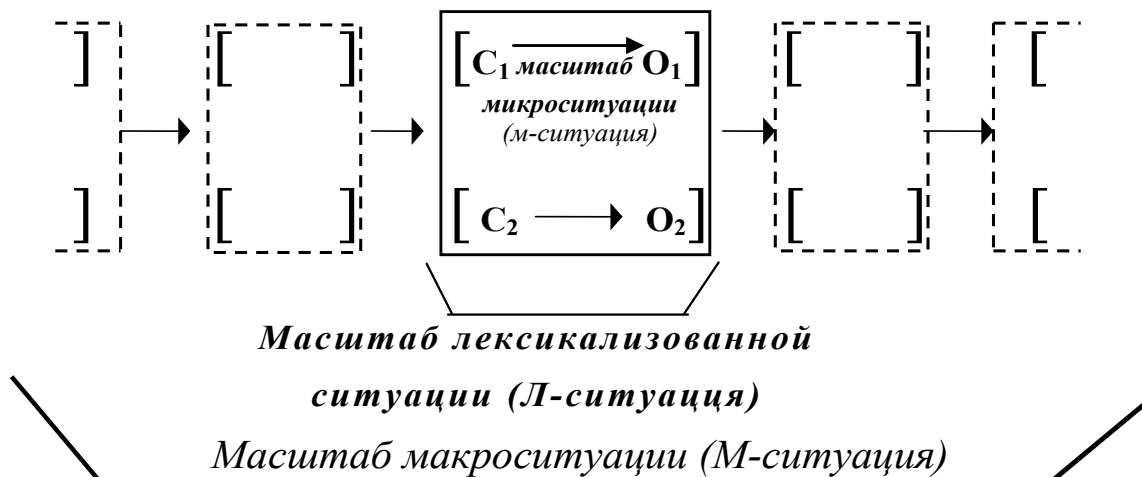
Первый – лексикализованный – масштаб включает рассмотрение того объема экстралингвистической реальности, который «попал в кадр», т. е. в коммуникативный фокус, и ассоциирован с данной лексемой. Он составляет ядро ситуатемы: "это масштаб, при котором одному событию соответствует закрепленная данной языковой нормой называющая его лексема-предикат" [4, с. 325]. Исследование актантно-предикатной структуры пропозиции обычно осуществляется на этом уровне. На втором уровне – в микромасштабе – в исследовательский фокус попадают микроситуации (фазы, "корпускулы", операциональные элементы, признаки фаз и элементов), из которых состоит денотативная структура лексикализованной ситуации. Методики А. Вежибицкой и Е. В. Падучевой исследуют глагольную семантику именно на этом микроуровне. Понятно, что степень дробления ситуации может быть различной. При выходе в макромасштаб в исследовательское внимание попадает не только лексикализованная ситуация, но и "около-ситуации" (смежные ситуации, конситуации), связанные с ней пространственными, хронологическими, логическими (причинно-следственными, целевыми), модально-модусными и другими отношениями. Многие из них являются имплицативными. В синтаксисе также замечена эта особенность языковых единиц – способность ассоциироваться с расширенной информацией, выходящей за грани эксплицированного значения: "<...> семантика высказывания дает нам знание не только о ситуации, непосредственно ею описываемой, но и некоторых других, тем или иным образом сопутствующих" [5, с. 80].

Таким образом, анализируемые денотативные структуры (ситуатемы) имеют многомерное измерение. Их архитектура представляет собой сложное системное образование полипропозиционального характера, скрепленное разными элементами. Такое образование имеет полевую структуру, ядро которой составляет лексикализованная ситуация, а в ней – элементы, попавшие в коммуникативный фокус. Периферия делится на ближнюю, дальнюю и сверхдальнюю, которую составляют смежные событийные пропозиции (ретроспективные, проспективные, параллельные) и связывающие их логические пропозиции.

Ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации могут входить в ближнюю периферию, то есть непосредственно примыкающую к лексикализованной ситуации, в дальнюю – смежную с ближней, и в сверхдальнюю – смежную с дальней. Такое неопределенное и релятивистское определение в принципе соответствует полевому подходу к описанию языковых единиц и объясняется нелимитируемым, подвижным, текучим характером предикативного денотата, что проявляется в адаптивной приспособляемости глагольных единиц в синтагматическом бытовании, то есть в речевых условиях. В процессе составления синтагматических цепей "извлекаемые из памяти фрагменты языковой ткани модифицируются, адаптируясь друг к другу; они подвергаются всевозможным усечениям, наращиваниям, аналогическим подменам одних компонентов в их составе с другими, контаминациям, метатезам; они срастаются друг с другом, растекаются по разным точкам высказывания, редуцируются до едва намеченных, мерцающих намеков" [6, с. 14].

Ситуатема носит принципиально открытый характер. Открытость ситуатемы, таким образом, обусловлена, во-первых, полевым устройством ее структуры: наличествует ядро (в нем, в свою очередь, можно выделить свое ядро и свою периферию) и разветвленная периферия. Границы этой единицы "тонут в тумане" отраженной на уровне общего представления малопредсказуемой экстралингвистической действительности, расплываются в вариативном пространстве «возможных миров». Чем дальше от ядра, тем детерминационная цепочка становится более разветвленной и неопределенной. Во-вторых, углубление "внутри" ситуации также нелимитируемо: микроситуации могут быть различной дробности, предел этого расщепления также может быть установлен интуитивно и также зависит от коммуникативных и исследовательско-методических задач. Такой подход можно определить как разномасштабное рассмотрение денотативной структуры глагольной семантики. Ниже предлагается схема типовой структуры ситуатемы.

При характеристике нашего подхода необходимо отметить следующие его **особенности**.

Важным моментом является акцент на взаимодействии лексикализованной ситуации со смежными ситуациями, в первую очередь – с ретроспективными и проспективными пропозициями, на детерминирование Л-ситуации ретроспективным планом и детерминирование проспективного плана Л-ситуацией и всем происходящим в ней. Но детерминирование имеет и более глубинное проявление, так как в результате "перетекания" процесса из "пункта А" в "пункт Б" могут происходить следующие события.

– Появляются дополнительные пропозиции – в результате взаимодействия Участников или как следствие внутренних, имманентных процессов, так "происходит своего рода мультипликация ситуаций" (Касевич), или "умножение событий". Появляются, кроме основных, дополнительные ролевые функции Участников, отражая "разную степень участия субъекта в ситуации и, соответственно, разную степень контролируемости процесса" [8, с. 222].

– Изменяются атрибуты Участников: а) состояния – ментальное, информационное, психологическое, волевое; б) интенции – мотивационные, телеологические и др.

Во-первых, ситуатема содержит энергетический центр – основное противоречие, несоответствие, из которого исходит импульс, дающий толчок к развитию всей ситуатемы. Это основная детерминанта всей ситуатемы, нередко имеющая конфликтную природу. Наше исследовательское внимание направлено на динамическое развитие ситуатемы, на сам переход всех структурных компонентов, так сказать, "из пункта А" (экспозиция) в "пункт Б" (результатирующее, итоговое состояние), на происходящие в них трансформационные процессы, развиваемые под влиянием импульса, исходящего из энергетического центра. "Многослойность языковых значений превращает их из статичных картин в динамично разворачивающиеся сценарии, разные фазы которых описывают разные этапы развития ситуации. Такое "сценарное" описание языковых значений – тоже недавнее завоевание теоретической семантики" [8, с. 50]. Поскольку "каждой фазе процесса соответствует некоторое состояние участвующего в нем объекта" [7, с. 16], в фокусе исследовательского внимания оказываются те изменения, которые происходят в самом протекании процесса, можно сопоставить его характеристики "на входе" и "на выходе".

– Изменяется (по сравнению с тем, каким он был бы, если бы не участие всех компонентов в Л-ситуации) проспективный план: открывается панорама новых "возможных миров".

– Изменяется и ретроспективный план, поскольку происходит изменение в актуализации компонентов ретроспективного плана, связанных с изменением всех структурных элементов в процессе протекания события.

Такой аспект рассмотрения назовем динамическим.

Во-вторых, существенной особенностью нашего подхода является то, что у всех Участников выявляется не одна функция, а гетерогенный набор ролевых функций, причем в динамическом аспекте: функции Участников появляются, развиваются, утрачиваются на протяжении протекания, развития, «разворачивания» всей ситуатемы.

В-третьих, ставится задача выявить сущностно необходимые, конституирующие, инвариантные элементы денотативной структуры со стороны возможного семантического развития глагола и переменные элементы, по которым "растекается" номинативный потенциал, создавая "бесконечность семантической ва-

лентности языкового знака" [10, с. 114 – 125]. У. Лабов называет эту антиномию как противопоставление "категорично действующих признаков" и "вероятностных, или "взвешенных", признаков". Этот аспект номинативной проблемы назовем семасиологическим (исследовательский взгляд идет от "тела" знака – к денотату). Семасиологический подход предполагает движение мысли от формы, "тела" знака к денотату, стремление ответить на вопрос: какие денотативные структуры по-

крываются "телом" такого знака, как, например, глагол *подговорить*, и чем определяются денотативные (референциальные) границы слова, то есть его экстенционал?

Подробнее изложенные в статье принципы анализа семантики русского глагола в аспекте полиситуативности представлены в нашей монографии «Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов)» [11] (см. также [12]).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988.
2. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л., 1972.
3. Вригт, Г. Х. фон. Время, изменение и противоречие / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования. Избр. тр. – М., 1986.
4. Кибрик, А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках / А. Е. Кибрик // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – № 4. – Т. 39.
5. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М., 1988.
6. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Каспаров. – М., 1996.
7. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996.
8. Апресян, Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю. Д. Апресян // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 4. – Т. 58.
9. Циммерлинг, А. В. Субъект состояния и субъект оценки (типы предикатов и эпистемическая шкала) / А. В. Циммерлинг // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
10. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М., 1982.
11. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск, 1999.
12. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Н. Б. Лебедева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Информация об авторе:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания, КемГУ, 8-906-925-01-51, nlebedevab@yandex.ru.

Lebedeva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemsU